

В. А. ЖУКОВСКИЙ — ЧИТАТЕЛЬ ФРАНСУА ГИЗО В ЭПОХУ «ВЕСНЫ НАРОДОВ» (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

ТИМУР ГУЗАИРОВ

Проживая в Европе с 1841 г., В. А. Жуковский наблюдал и анализировал (пред-)революционную историко-политическую ситуацию. Круг чтения поэта о политике, экономике, государственных системах, современном обществе и истории в 1848–1849 гг. недостаточно изучен до сих пор. В статье впервые публикуются и частично комментируются маргиналии Жуковского, сделанные в книге Ф. Гизо «О демократии во Франции» (1849). Пометы позволяют точнее описать взгляд и оценку поэтом революции, демократии, республики, парламента, монархии и христианства в «Весну народов». Маргиналии и выделенные в книге Гизо фрагменты демонстрируют сложный путь осмысления Жуковским революционных событий и кризиса европейских институтов, указывают на соединение историко-политических идей с религиозными. В статье показывается важность для Жуковского книги Гизо как источника аргументов для своих политических идей и как подтверждение правильности в собственном анализе исторической ситуации.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, Ф. Гизо, Весна народов, демократия, монархия, христианство.

Timur Guzairov. V. A. Zhukovskii as a Reader of François Guizot in the Spring of Nations (Part I)

Living in Europe from 1841, V. A. Zhukovskii observed and analyzed the (pre-)revolutionary historical-political situation. The poet's circle of reading on politics, economy, state systems, modern society and history in 1848–1849 is not fully examined yet. The article covers the first attempt to publish and partly comment notes that Zhukovskii made in the book "De la Démocratie en France" by François Guizot (1849). The notes on the French politician's book are discussed in order to analyze the poet's attitude towards the revolution, democracy, republic, parliament, monarchy and Christianity in the Spring of Nations. On the basis of the notes and statements from the Guizot' book that Zhukovskii highlighted, the article explores a complex way of poet's understanding the revolutionary events and European institutions' crisis as well as assembling his historical-political ideas with religious ones. The paper shows the importance of Guizot's book for Zhukovskii as a source of arguments for his political ideas and a credible proof of his right historical analyses.

Keywords: V. A. Zhukovskii, F. Guizot, Springs of Nations, democracy, monarchy, Christianity.

В мае 1827 г., во время заграничного путешествия, служившего частью подготовки к вступлению в должность наставника наследника престола, В. А. Жуковский познакомился с французским общественным и политическим деятелем Франсуа Гизо¹. В собрании книг поэта, хранящемся в библиотеке Томского государственного университета, находятся пять книг Гизо [Лобанов 1981: 173–174]:

- Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la Révolution française. Paris, 1828–1832.
- De la Démocratie en France (Janvier 1849). Paris, 1849.
- Pourquoi la Révolution d'Angleterre a-t-elle réussi? Discours sur l'histoire de la Révolution d'Angleterre. Paris, 1850.
- Monk. Chute de la république et rétablissement de la monarchie en Angleterre, en 1660. Paris, 1851.
- Washington. Fondation de la République des États-Unis d'Amérique. Bruxelles, 1851.

В статье «В. А. Жуковский и Великая французская революция» А. С. Янушкевич затронул вопрос о чтении Жуковским произведений Гизо, уделив главное внимание восприятию поэтом «Курса... истории цивилизации в Европе...» (см.: [Янушкевич 1990: 118–121]). В революционную эпоху «Весны народов» 1848–1850 гг. Жуковский приобрел четыре книги Гизо. Просмотр экземпляров, анализ количества и характер подчеркиваний, помет и маргиналий выявили, что самым читаемым, значимым произведением Гизо для поэта была книга 1849 года “De la Démocratie en France”. В этом сочинении Жуковский постоянно подчеркивает слова, предложения, отчеркивает целые фрагменты, на полях в ряде случаев ставит “NB” и знаки вопроса. Поэт также оставил на полях этой книги девять маргиналий.

А. С. Янушкевич определил общие интересовавшие поэта темы в сочинении Гизо “De la Démocratie en France”: это — историческая необходимость, борьба классов, демократизация общественной борьбы, Великая французская революция. Исследователь указывает на осторожное восприятие Жуковским суждений Гизо «о демократизации общественной борьбы», о чем свидетельствуют поставленные на полях вопросительные знаки. Поэт «отчеркивает и помечает нотабене те мысли французского историка, где упоминается Великая французская революция, говорится

---

¹ В дневнике от 12 (24) мая 1827 г. Жуковский отметил: «Нас пригласили на вечер к Гизо. <...> с Гизотом немного побеседовали о французских мемуарах». 16 (28) мая Жуковский снова идет «к Гизо». 30 мая (11 июня) поэт завтракает у Гизо. 3 (15) июня поэт записал: «К Гизо завтракать и прощаться» [Жуковский: XIII, 260, 262, 265, 267].

о ее уроках» [Янушкевич 1990: 137–138]). А. С. Янушкевич привел только один выделенный Жуковским отрывок из “De la Démocratie en France” на страницах 133–136, в котором Гизо размышляет об «энтузиазме доверия» в Великую французскую революцию. Другие подчеркивания Жуковского, не связанные с темой статьи, не были исследователем систематизированы и проанализированы. Ни одна маргиналия поэта в “De la Démocratie en France” не была еще рассмотрена в контексте его политической прозы и мировоззрения.

Три других сочинения Гизо не были проштудированы Жуковским с такой тщательностью; лишь в сочинении о Вашингтоне встречаются некоторые пометы — на шестой, седьмой, восьмой страницах.

В первой части настоящей статьи с миминальными комментариями приводятся все маргиналии Жуковского в книге Гизо “De la Démocratie en France”; во второй части предлагается расширенный комментарий к некоторым пометам и маргиналиям поэта в этом сочинении Гизо, изданном в начале 1849 г. Этот выбор обусловлен общей задачей — проследить закономерности и особенности политического мышления Жуковского в период, который предшествовал возникновению в конце 1849 – начале 1850 гг. Иерусалимского проекта, военно-политической утопии поэта².

1.

Сочинение Ф. Гизо “De la Démocratie en France” было одной из первых попыток осмыслить системные правовые, экономические, общественно-политические изменения, произошедшие в течение года после бегства Луи-Филиппа I 22 февраля 1848 г., провозглашения Второй республики и начала «Весны народов» в Европе. Книга Гизо вызвала интерес и резонанс. В библиотеке Жуковского находится полемическое сочинение Пьера Маргри (Margry, Pierre) “De la Démocratie en France. Réponse à M. Guizot”,

---

² Проект был изложен Жуковским в двух письмах к великим князьям Александру и Константину Николаевичам. Его суть заключалась в следующем: Николай I должен был возглавить европейскую армию и мирно, без кровопролития освободить из-под власти турок храм Гроба Господня и Иерусалим; именно это событие, с точки зрения поэта, положит конец распространению революционной «заразы». Подробнее о генезисе Иерусалимского проекта Жуковского и его апологии «справедливой» войны см.: [Гузаиров 2007: 107–118; Гузаиров 2008а: 312–323; Гузаиров 2013: 191–203; Гузаиров 2014: 22–35]. О политической прозе и мировоззрении Жуковского в эпоху «Весны народов» см. также: [Айзикова 2004: 336–393; Веселовский 1999: 291–306; Виноцкий 2006: 235–261; Долгушин 2019: 107–124; Долгушин 2018: 29–37; Киселев, Владимиров 2018: 165–183; Киселева 2007: 137–147; Николова 2015: 267–321; Янушкевич 2006: 263–272].

которое было закончено 17 сентября 1849 г. В этой 47-страничной брошюре отсутствуют какие-либо пометы поэта [Лобанов 1981: 223].

Для Жуковского авторитет Гизо, несмотря на отдельные разногласия, был незыблемым, его высокая оценка “De la Démocratie en France” отразилась в последней маргиналии, оставленной внизу на заключительной странице книги:

Celui qui a écrit ces pages n'est pas seulement un grand écrivain, c'est un homme vertueux [Guizot 1849: 157]³.

[Тот, кто написал эти страницы, не только великий писатель, но добродетельный человек.]

Первая помета была сделана Жуковским на полях сочинения Гизо в пятой главе “Quels sont les éléments réels et essentiels de la société en France?”. Поэта заинтересовало рассуждение французского политика о том, чем стало слово «труд» в революционное время. Гизо писал:

Par quelle fatalité le mot travail, si glorieux pour la civilisation moderne, est-il aujourd'hui, parmi nous, un cri de guerre <подчеркнуто Жуковским. — Т. Г.>, une source de désastres? C'est que ce mot couvre un grand, un déplorable mensonge. Ce n'est point du travail, de ses intérêts et de ces droits qu'il s'agit dans l'agitation suscitée en son nom. Ce n'est point en faveur du travail que se fait et que tournerait cette guerre qui le prend pour drapeau [Там же: 86].

[По какой воле рока слово труд стало среди нас боевым кличем, источником бедствий? Дело в том, что в этом слове скрывается большая, прискорбная ложь. В суете, возбуждаемой во имя труда, речь идет вовсе не о работе, ни о ее интересах и правах. Во все не в пользу труда разгорелась, и не во благо его и закончится эта война, размахивающая трудом как знаменем.]

Напротив последней части второго абзаца Жуковский написал на полях:

C'est en faveur de l'oisiveté [Там же].

[Это в пользу безделья.]

В этой же главе сочинения Жуковский внимательно читает размышления Гизо о праве на труд, его причинах и на 90-й странице оставляет запись на полях:

---

³ В статье пометы Жуковского и высказывания Гизо приводятся с указанием страницы по экземпляру “De la Démocratie en France”, хранящемуся в библиотеке поэта в Томске. Жуковский писал маргиналии карандашом. Я хочу выразить благодарность Саре Бедар-Гуле (Sara Bédard-Goulet), Н. Гамаловой и В. А. Мильчиной за помощь в расшифровке помет.

La raison est de pas rien posséder; elle ne peut être guérie que par l'exorcisme. On ne pense plus, on devient esclave d'une idée qu'on ne possède pas, mais qui nous possède comme un démon et rend toute logique impossible [Guizot 1849: 90].

[Причина не в том, чтобы владеть чем-либо; это можно вылечить только с помощью экзорцизма. Мы больше не думаем, мы становимся рабами идеи, которой у нас нет, но которая обладает нами как демон и делает всю логику невозможной.]

Следуя за рассуждением Гизо о социальных последствиях французских революций, Жуковский заметил:

NB! les États ne donnent ni pouvoirs ni privilèges [Там же: 94].

[NB! <Генеральные> Штаты не дают никаких полномочий или привилегий.]

На странице 110 “De la Démocratie en France” Жуковский сделал помету, первая часть которой представляет собой парадоксальную математическую формулу: “0+0+0+0=1. L'unité de l'Allemagne” [Там же: 110].

В седьмой главе “Conditions morales de la paix sociale en France” Жуковский оставил 4 маргиналии. Вверху на странице 135 поэт, по-видимому, привел цитату из прочитанной им книги или вспомнил чье-то изречение. Здесь предстоит еще установить источник фразы:

L'excuse de cette secte est dans son apostasie. Le Roi de Per [Там же: 135].

[Оправдание этой секты в ее отступничестве. <Le Roi de Per>.]

Тема семьи, домашней жизни наполнилась особым значением и смыслом для Жуковского после отъезда из России за границу, когда он женился на Елизавете Рейтерн и у них родилось двое детей, когда ему пришлось вместе с семьей пережить беспокойное время в «Весну народов»⁴. В “De la Démocratie en France” он подчеркнул мысль Гизо о семейной жизни как о социальной цели:

C'est au sein de la vie domestique et par les affections de famille que ce but social est atteint [Там же: 141].

[Эта общественная цель достигается внутри домашнего быта и благодаря сердечным семейным отношениям.]

---

⁴ См., напр., отрывок из письма Жуковского к А. П. Елагиной от 6 (18) августа 1848 г.: «Бедная моя жена! Бедная моя семейная жизнь! <...> Мне очень тяжело оставаться еще на девять месяцев посреди этого германского хаоса, который грозит проглотить общество; мы живем на горячей лаве; нельзя ни на что понадеяться; <...> сердце кипит злобою за неправду, которая, как публичная девка, бегает растрепанная и пьяная и бешеным криком сзывает вокруг себя своих поклонников, которые все ломают, чтоб вновь построить» [Жуковский 2009: 574].

На полях напротив этих слов Жуковский сделал помету:

Là commence et y aboutit la société. Là nait l'homme et là il finit [Guizot 1849: 141].
[Здесь начинается и заканчивается общество. Там человек родился и там он заканчивается].

В этой же главе Жуковский подчеркнул рассуждение Гизо о том, что:

Rien ne dispose plus à la modération que la pleine connaissance de la vérité des choses, car il est rare qu'elle mette dans un seul bassin tout son poids [Там же: 143].

[Ничто так не располагает к умеренности как полное знание истины вещей, так как редко бывает, чтобы истина не имела никаких нюансов.]

Напротив этого фрагмента поэт написал карандашом *Radowitz*.

Несмотря на общую высокую оценку Жуковским сочинения Гизо, поэт оставил одно полемическое по отношению к французскому автору суждение:

Leseul côté vulnérable de tout cela est que l'auteur en respectant le christianisme n'y voit seulement qu'un mythe. C'est le but encore plus que le moyen [Там же: 149].

[Единственная уязвимая сторона всего этого — то, что автор, уважающий христианство, видит в нем только миф. Это больше, чем средство, это — цель.]

2.

Проживая с 1841 года за границей, в 1848 г. Жуковский оказался в непосредственной близости от революционных событий. Кроме писем и политических статей этого времени⁵ круг чтения и маргиналии также передают движение и характер суждений поэта о «Весне народов» и революции в целом. Чтение Жуковским книги Гизо “De la Démocratie en France” происходило на фоне постоянных размышлений о политической и общественной ситуации в германских землях, где он вместе с семьей жил. Взаимоотношения между избранным парламентом и королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом IV были одним из вопросов, который тревожил поэта, вызывал в нем страстные эмоции, рождал сильные высказывания и смелые предложения. Мнение Жуковского о спорах вокруг объединения Германии

---

⁵ См., прежде всего, статьи, которые поэт отправил в цензуру и предполагал включить в невышедший том «Духовной прозы»: «Что будет?», «О происшествии 1848 года. Письмо к князю Шаку», «Письмо к князю П. А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”», «Теория и практика», «Энтузиазм и энтузиасты», «Иосиф Радовитц. Биографический очерк»; а также «Письмо Русского из Франкфурта», «Русская и английская политика», «По поводу нападок немецкой прессы на Россию».

отразилось в математической формуле, которую он вывел на полях книги Гизо: “0+0+0+0=1. L’unité de l’Allemagne”.

Комментарий к этой маргиналии необходимо начать с анализа точки зрения поэта на события 1848 года в немецких землях. 18 марта произошло восстание в Берлине, в результате которого прусский король был вынужден объявить о созыве Народного собрания. Два месяца спустя, 18 мая открылось общегерманское Народное собрание во Франкфурте-на-Майне, а 22 мая приступило к работе прусское Народное собрание. Возникновение парламентов возмутило Жуковского до глубины души, и в письмах он не стеснялся использовать яркие выражения. Из письма поэта к цесаревичу, написанного в течение 3 декабря 1848 г. – 19 января 1849 г.: «Из бездны этих анархических выборов вылезло чудовище Прусского Национального Собрания, в котором скоплены были все элементы необузданнейшего буйства. С этой минуты король исчез» [Жуковский 1885: VI, 568]. Позднее, 3 марта 1850 г., Жуковский признался А. Я. Булгакову: «Меня всякий раз тошнит, когда приносят мне газеты. Покойный франкфуртский парламент сделал одно доброе дело: я подписался на стенографические протоколы его заседаний и вот уже более года ... бумага мягкая, немецкие речи длинные, копилась ужасная кипа...» [Жуковский 1878: VI, 585–586].

Основной претензией Жуковского к немецким Народным собраниям было их стремление диктовать условия королю, определить его место, подорвать авторитет и значение монаршей власти, что вело к «неправде». Поздней осенью 1848 года в письмах к цесаревичу поэт подробно анализирует сложившуюся ситуацию в Пруссии. Накопившиеся бурные негативные чувства в итоге подтолкнули его к поиску практического политического выхода. В двух письмах к великому князю цесаревичу Александру Николаевичу Жуковский составил для Фридриха Вильгельма IV проекты возможного манифеста и речи, которую прусский король мог бы произнести в общегерманском парламенте во Франкфурте-на-Майне (см. письма от 11 ноября 1848 г. и 3 декабря 1848 г. – 19 января 1849 г.: [Жуковский 1885: VI, 564–566, 574–576])⁶.

⁶ Тема «Жуковский как воображаемый или несостоявшийся спичрайтер Фридриха Вильгельма IV» должна стать предметом отдельной статьи. Здесь представляет интерес вопрос о том, как размышления поэта соотносятся с политическими речами и манифестами прусского монарха. Другой вопрос заключается в том, почему Жуковский не отправил свои проекты напрямую королю Фридриху Вильгельму IV, с которым был лично хорошо знаком? Прусский король видел в нем потенциально ценного политического деятеля (впрочем, не прусского, но русского). Монарх писал поэту 21 декабря 1850 г.: «Будучи, например, во главе министерства духовных дел, Вы сделали бы гораздо больше, чем Шишков и его преемники. В качестве министерства народного просвещения, Вы поступали бы иначе, чем Уваров, которого,

Поэт не был противником объединения Германии и создания единого государства. В этот момент он, считая конституцию «злом» и «ложью», допускал необходимость вынужденного (временного) принятия «демократической хартии»; но если она была бы дарована монархом и на его условиях. Реальные отношения между депутатами и прусским королем не сложились. Проекты конституции и объединения Германии, вырабатываемые Народным собранием, раздражали и вызывали гневные отповеди Жуковского. Уже в письме к графу А. Ф. фон Шаку (25 июня <7 июля> – 7 <19> августа 1848 г.), из которого вырастет статья «О происшествиях 1848 г.», поэт иронически заметил:

Как бы ни красноречиво провозглашали свои теории проповедники церкви св. Павла во Франкфурте, но иного единства им создать для нее не удастся. По их арифметике несколько нулей могут составить единицу; они говорят Петру, Ивану, Карлу, Вильгельму: «Каждый из вас должен сперва сам себя зарезать, потом из ваших мертвых трупов мы составим одного общего, живого человека»; не знаю, согласится ли кто-нибудь подвергнуть себя такому химическому процессу [Жуковский: XI (I), 425].

В письме к цесаревичу конца 1848 г. – начала 1849 г. интонация стала жестче, Жуковский саркастически писал:

Во Франкфурте все еще бредят о единстве Германии, то есть о ее слиянии в одно целое с уничтожением всего частного. Эти господа выдумали новую арифметику: у них $0+0+0+0=1$. <...> Из государства они хотят сделать тоже, что придумал бы какой-нибудь гражданин желтого дома <...> Они все еще хотят прежде состряпать свои нули и потом из них сделать свою единицу: но, кажется, придется им обратиться на старое <...> составить не единицу, а одну общую сумму; то есть возобновить тот же Германский союз, который они уничтожили с таким презрением [Жуковский 1885: VI, 580–581, 583].

Из этого письма к великому князю выросла политическая статья «Что будет?». В другом письме к своему ученику от 29 января 1849 года поэт схожим образом оценил деятельность франкфуртского Народного собрания: «Но немцы... Что сказать об этом парламенте с его единством или единицею Германии, производимую из нулей?» [Жуковский: VI, 588]. Важное

вообще, я уважаю, как человека доброго и хорошо одаренного от природы, но зато Вы, дорогой друг, одарены еще больше, в Вас больше священного огня и чувства Ваши более чутки для восприятия идей добра» (цит. по: [Фомин 1913: 56]). На основании каких фактов и текстов Фридрих Вильгельм IV составил это высокое мнение о Жуковском? Были ли королю известны опубликованные по-немецки в «Allgemeine Zeitung» две статьи поэта «Русская и английская политика» и «По поводу нападок немецкой прессы на Россию», а также его проекты речи и манифеста?

место в размышлениях Жуковского о судьбе Германии, таким образом, занимает волновавший еще Гизо теоретико-практический вопрос о подлинном и мнимом единстве государства и общества.

«Математическое» мнение Жуковского о работе общегерманского парламента и проекте объединения Германии появилось на полях сочинения Гизо “De la Démocratie en France” в шестнадцатой главе “Conditions politiques de la paix social en France”. В начале 110 страницы французский политик завершает рассуждение о природе социального деления в обществе. С одной стороны, в каждом государстве существует «правильное», т. е. свое, естественно и исторически сложившееся, сословное устройство. С другой стороны, в ходе взрывных исторических событий может возникнуть иное, «ложное», искусственное социальное устройство. Естественно сложившаяся стратификация общества вступает в конфликт с новой, революционной. Жуковского заинтересовал в сочинении Гизо следующий фрагмент, в котором поэт подчеркнул отдельные выражения:

La diversité des ces éléments est, on vient de le voir, un des faits essentiels qui résultent de ces lois. Elle repousse absolument cet unité fausse et tyrannique qu'on prétend établir au centre de gouvernement, pour représenter la société où elle n'est pas [Guizot 1849: 110].

[Разнообразие этих элементов, как мы видели, является один из существеннейших фактов, из которых проистекают эти законы. Оно абсолютно отвергает единство ложное и тираническое, которое претендует утвердиться в центре правительства, чтобы представлять общество там, где его нет.]

Напротив этого отрывка Жуковский и записал скептическое «математическое» суждение о проекте объединения Германии ($0+0+0+0=1$). Поэт оценивает институт и проект франкфуртского Народного собрания сквозь призму французского опыта, как он представлен и проанализирован в “De la Démocratie en France”. Благодаря Гизо Жуковский нашел дополнительный аргумент, почему деятельность общегерманского, возникшего в результате революции, парламента бесполезна, бессмысленна и даже опасна: т. е. нарушается естественное, исторически сложившееся, не ложное устройство общества⁷.

Следующее суждение Гизо, которое Жуковский подчеркнул, посвящено постреволюционному, новому общественному устройству:

⁷ О противопоставлении Жуковским деятельности немецкого парламента и прусского короля, их общественно-политической роли и самой сущности, профанной — сакральной, см. вторую часть статьи «О происшествиях 1848 г. Письмо к графу Шаку» [Жуковский: XI (I), 424–431].

La diversité des ces éléments sociaux veut que ce gouvernement ne soit pas un pouvoir unique [Guizot 1849: 111].

[Разнообразие этих социальных элементов хочет, чтобы это правительство не было бы единственной властью.]

По мнению Гизо, с которым согласен и Жуковский, демократия и республика не могут обеспечить социального мира, они способствуют возникновению политических конфликтов между разными социальными классами, как следствие, это противостояние приводит к общественному хаосу:

<...> les peuples préfèrent le pouvoir absolu à l'anarchie. <...> La société peut vivre sous le pouvoir absolu; l'anarchie, si elle dure, la tue [Там же: 121].

[<...> люди предпочитают абсолютную власть анархии <...>. Общество может жить под абсолютной властью; анархия, если она продолжается, его убьет.]

При чтении “De la Démocratie en France” Жуковский ищет и подчеркивает утверждения, обоснования и доказательства заветной идеи о том, что именно при абсолютной монархии возникает естественное социальное устройство и мир. Поэт стремится найти точки идеологической близости с Гизо, отмечает их общность в употреблении ключевых понятий, в ходе рассуждения, в анализе общественно-политической ситуации.

4 июня 1848 г. Жуковский в письме к цесаревичу закончил рассмотрение текущего политического положения выводом о том, что: «<...> Европа может утратить свою образованность и впасть в первобытное варварство» [Жуковский: VI, 557]. При чтении “De la Démocratie en France” поэт отмечает мысли Гизо о разрушительных последствиях революции, демократии, республики для духовного облика человека. Так, в четвертой главе “De la République Sociale” Жуковский отчеркнул один отрывок и поставил знак NB на полях, затем подчеркнул характерную фразу в другом фрагменте:

La République <...> ne voit dans les hommes que des êtres isolés et éphémères <...>. | NB

[Республика <...> видит в людях изолированных и эфемерных существ <...>.]

C'est précisément la condition des animaux. <...> La République sociale fait descendre les hommes au rang des animaux, elle abolit le genre humain [Guizot 1849: 59–60].

[Это в точности условие животных <...>. Социальная Республика заставляет людей спуститься до уровня животных: она уничтожает человеческий род.]

Поэт также выделяет один из выводов Гизо:

Ainsi, Dieu et le genre humain disparaissent ensemble; et, à leur place, restent des animaux qu'on appelle encore des hommes <...> [Там же: 61–62].

[Наоборот, Бог и человеческий род исчезают вместе; а на их месте остаются животные, которых мы еще называем людьми <...>.]

В 1849 г. размышления Гизо могли восприниматься Жуковским как авторитетное подтверждение правильности сделанного им ранее политического анализа исторической ситуации. Революция и возникающие в ее результате новые формы государства (республика, демократия, парламент, конституционная монархия) — это прямой путь общества назад, к общественному и духовному регрессу. Сочинение Гизо “De la Démocratie en France” актуализировало для поэта собственные политические идеи, оно могло ему помочь их глубже и тоньше доказать и развернуть. Здесь можно говорить скорее о трансфере не идей, но именно аргументов.

В заключении Жуковский крайне высоко оценил труд и личность Гизо: “Celui qui a écrit ces pages n’est pas seulement un grand écrivain, c’est un homme vertueux” / [Тот, кто написал эти страницы, не только великий писатель, но добродетельный человек]. Это суждение было записано сразу же после отрывка, в котором Гизо призвал к объединению здоровых сил общества и который заканчивается фразой: “<...> la France aura besoin que Dieu la protège pour se saver” [Guizot 1849: 157] / [Франции необходимо, чтобы Бог ради спасения защитил ее].

Реплика Гизо о необходимости для Франции вмешательства Бога, чтобы преодолеть вызванный революцией кризис, — эта риторическая фраза идейно наполнится и откликнется в заключительных строках последней строфы стихотворения Жуковского «Четыре сына Франции» (1852):

О, Франция! Такая ль
 Должна развязка быть
 Шестидесятилетних
 Накликанных тобой
 На все страны волнений,
 Кровавых сечи и зол? <...>
 Но есть спасенья чаша;
 Она перед тобой, —
 К ней, к ней со страхом Божиим
 И с верой приступи! [Жуковский: II, 348]

Как последние две строки, так и выражение «спасенья чаша» выделены Жуковским. Образ «спасенья чаша» отсылает к евангельской цитате «Чашу спасения прииму и Имя Господне призову» (Пс. 115: 3–4). По сравнению с Гизо Жуковский меняет акцент: существенно не просто надеяться на Божью защиту, но самим сделать шаг к обретению веры.

Вопрос о роли и значении христианства, в том числе в истории, политике и обществе занимает важнейшее место в сознании поэта (см. его письма, статьи и религиозно-философские отрывки 1840-х гг., а также незаконченную поэму «Агасфер. Странствующий жид»). На это обстоятельство указывает и характер чтения Жуковским сочинения “De la Démocratie en France”. Гизо писал:

L'esprit religieux, l'esprit de famille, l'esprit politique sont, plus que jamais, dans notre société, des esprits nécessaires et tutélaires. Ni la paix sociale, ni la stabilité, ni la liberté ne peuvent se passer de leur concours. Recherchez ce concours avec sincérité <...>. Pas plus que les individus, les sociétés ne sont affranchies d'effort et de sacrifice pour les biens dont il leur est donné de jouir [Guizot 1849: 149].

[Религиозный дух, дух семьи, политический дух, как никогда, в нашем обществе необходимы и общественно полезны. Ни социальный мир, ни стабильность, ни свобода не могут существовать без их помощи. Ищите их помощь с искренностью <...> Не только личности, но и общества не избавлены от усилий и жертв для возможности пользоваться благами.]

Ниже, после этого фрагмента, Жуковский не без грусти констатировал:

Le seul côté vulnérable de tout cela est que l'auteur en respectant le christianisme n'y voit seulement qu'un mythe. C'est le but encore plus que le moyen [Там же: 149].

[Единственная уязвимая сторона всего этого — то, что автор, уважающий христианство, видит в нем только миф. Это больше, чем средство, это — цель.]

Жуковский предъявляет только одну, но существенную претензию к Гизо: из-за неверного восприятия христианства ему как политическому, историческому, социальному фактору устройства общества отведена неправильная роль. Христианство из средства, настаивает поэт, должно стать целью.

В эпоху «Весны народов» Жуковский формирует из отрывков и статей 1840-х годов том «Духовной прозы», который был запрещен цензурой. Благодаря сохранившимся цензурным замечаниям К. С. Сербиновича мы знаем о последовательности статей и композиции книги, то, как поэт ее видел. Том должен был состоять из двух частей: в первую вошли тексты о христианской философии, философии, воспитании, искусстве и т. д.; вторая часть имела заглавие «Политические письма» и должна была включать статьи, посвященные анализу исторических событий «Весны народов» (см. подробнее: [Гузаиров 2008: 122–144]). Том «Духовной прозы» должен был, в том числе, очертить, наполнить смыслом и прояснить с разных сторон ключевое для мышления Жуковского понятие «Божьей правды».

Размышления о *Божьей правде* появляются в историко-политических статьях поэта 1830-х годов, в эпоху строительства николаевской идеологии (см.: «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года», «Бородинская годовщина»). В письмах и статьях конца 1840-х гг., рассуждая о практической политике и значении религии, Жуковский также неоднократно использует выражение «Божья правда» (см., напр., статью «Самоотвержение власти»). Так, в письме к цесаревичу, написанном в начале 1849 г., поэт характеризует действия Фридриха-Вильгельма IV:

Король знает всю гибельность данной им конституции; но ему надлежало выбрать одно из двух: или дать лучшую конституцию (которая все была бы бумажный, историю, заменяющий, лист) и нарушить данное слово, или без всякой оглядки сохранить это слово и верностию слова совершить главное свое дело — почтить Божию правду⁸. Он выбрал последнее. Теперь он свободен действовать [Жуковский 1885: VI, 572].

Конституции, реальному, юридически оформленному, основному закону, Жуковский противопоставляет, по его убеждению, истинную, подлинную *Божью Правду*, т. е. умозрительное представление о сущем и времени⁹. Применительно к управлению государством *Божья правда* является сочетанием конкретных принципов, которых следует придерживаться в управлении. Поэт четко и ясно их определяет:

Энергия трех человек подперла упдающую империю и снова поставила ее на ноги. <...> Надобно повторить здесь правило Иоанна Миллера: умеренность, порядок или [как должно перевести эти слова] Божья правда. Сверх того мужество и решительность [Там же: 580].

Жуковский указывает на исключительную роль не институтов власти, но исторической личности, того, кто, по его убеждению, знает и придерживается некоей *Божьей правды*. В связи с осмыслением Жуковским революционной

⁸ При анализе общественно-политической ситуации в немецких землях, противостояния между королем и Народным собранием Жуковский неоднократно апеллирует к *Божьей правде*. См. его письма к цесаревичу 1848–1849 гг. По мнению поэта, если монарх остается верным высшему предназначению, *Божьей правде*, то он способен преобразить конституцию, «по обстоятельством зло необходимое», в действие спасительное [Жуковский 1885: VI, 571].

⁹ А. С. Немзер попытался определить то, что Жуковский понимает под *Божьей Правдой*, следующим образом: «“Божья правда” предполагает единство и смирение, отказ от любых форм своеволия, энтузиастического желания улучшить мир, то есть насильственно привести его к всеобщему счастью. Во всяком революционном порыве Жуковский видит проявление близорукого человеческого эгоизма, стремящегося вмешаться в неисповедимые дела Промысла» [Немзер 2001: 9]. Употребление Жуковским этого концепта, движение его интерпретации с учетом контекстуальных нюансов и их изменений — эта тема заслуживает специально, последовательного и системного изучения.

эпохи и этого понятия необходимо указать на следующее обстоятельство. Кроме Ф. Гизо, в «Весну народов» другим важным автором и собеседником для поэта был немецкий генерал и политический деятель Иосиф Радовиц. Жуковский неоднократно упоминал его в письмах и дневнике, читал его книги¹⁰. Поэт написал статью «Иосиф Радовиц. Биографический очерк», которой, по его замыслу, должен был заканчиваться том «Духовной прозы».

В статье Жуковский, характеризуя своего героя, использовал евангельскую цитату (именно она, вероятно, послужила ему материалом для создания концепта «Божья правда»): «Если прибавим <...> *ищите во первых Царствия Божия и правды Его, и все остальное приложится вам, то мы будем иметь перед глазами всего Радовица, и политика, и человека*» [Жуковский: XI (I), 500].

Последний фрагмент биографического очерка начинается восклицанием Жуковского: «Так, Радовиц (*e pur se mouve*), правда Божия жива! <...> с тобою неприкосновенно останутся три сокровища: беспорочная жизнь перед Богом, свет науки и наконец этот последний час, когда откроется перед твоею верующею душой тот мир...» [Там же: 515].

В статье 1850 года Жуковский изобразил портрет исторического деятеля, который руководствуется и следует к *Божьей правде*. Важно подчеркнуть, что в рассуждениях поэта такой избранной личностью впервые стал

---

¹⁰ 16 (28) марта 1848 г., делясь первыми впечатлениями о революционных событиях в Пруссии, Жуковский писал из Франкфурта-на-Майне о Радовице и его недавно вышедшей книге «Deutschland und Friedrich Wilhelm IV»: «Это первый голос, раздавшийся в пользу нашего несчастного короля Прусского, посреди Германии, осыпающей его гнусными ругательствами. <...> Я знаю, однако, одну ясновидящую душу, которая все предузнала во дни покоя и теперь во дни всеобщего разрушения осталась спокойна и непоколебима в надежде на Бога, без малейшего заблуждения на счет настоящих бедствий. Это душа моего Радовица...; но об нем я буду писать вам отдельно. Для меня необходимо высказать вам все то, что я о нем думаю, дабы вы знали, что он есть» [Жуковский 1885: V, 551, 553]. Летом 1848 г. в статье «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Шаку» Жуковский поделился своими чувствами о книге: «Нельзя без трепета перед неисповедимостью воли Божией читать того, что написал о нем Радовиц, верный поверенный его мыслей и желаний, один их вполне постигший и вместе с ним сокрушенный тем роковым бедствием, которое напрасно предвидел, напрасно предсказывал, напрасно силился отвести от своего государя» [Жуковский: XI (I), 421]. Жуковский подчеркивает в Радовице способность не только наблюдать за событиями, но и видеть их во всей полноте, постигать исторический смысл, а также оставаться верным и бодрым. Интересно, что в этой же статье Жуковский выше вспоминает события междуцарствия 1825 года, описывает поступки не только Николая Павловича, но также и свои чувства, мысли. Размышление о позиции Радовица по отношению к Фридриху Вильгельму IV в том числе проясняет Жуковскому и его отношение к Николаю I в эпоху «Весны народов» (см. также: [Гузайров 2014: 22–35]).

не монарх. Говоря о Радовице, поэт прямо не эксплицирует еще одну важную черту, которую он отметил в 1849 г. При чтении книги Гизо “De la Démocratie en France” Жуковский напротив подчеркнутой им фразы “...la pleine connaissance de la vérité des choses...” на полях написал: “Radowitz” [Guizot 1849: 143]. Для поэта реплика французского автора неожиданно напомнила о Радовице и выявила существенное в его личности.

«Полное знание правды о вещах» означает в контексте чтения Жуковским политического сочинения Гизо, прежде всего, ясный, точный, глубокий и широкий анализ, взгляд без иллюзий на положение и устройство своего общества и государства. Характерно, что биографическому очерку о Радовице 1850 года предшествует длинное рассуждение поэта о сложившейся исторической ситуации в «Весну народов». Однако выражение Гизо «полное знание правды о вещах» имеет для Жуковского и второе значение: это — духовная работа, постижение и приближение к *Божье правде*.

Вслед за Гизо и Радовицем Жуковский предложил свои ответы на вопрос о том, где найти «полное знание правды о вещах» в революционную эпоху «Весны народов». Это, с одной стороны, — готовившийся том «Духовной прозы», а с другой, — религиозный военно-политический Иерусалимский проект.

Литература

Айзикова 2004: Айзикова И. А. Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск: Издание Томского университета, 2004.

Веселовский 1999: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувств и «сердечного воображения». М.: INTRADA, 1999.

Виницкий 2006: Виницкий И. Дом толкователя. Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М.: Н.Л.О., 2006.

Гузаиров 2007: Гузаиров Т. Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту: Tartu University Press, 2007.

Гузаиров 2008a: Гузаиров Т. Иерусалимский проект В. А. Жуковского // И время и место. Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М.: Новое издательство, 2008. С. 312–323.

Гузаиров 2008b: Гузаиров Т. Ошибка верноподданного, или О цензурной судьбе тома прозы Жуковского // Humaniora: Litterae Russicae. Труды по русской и славянской филологии. VI. Новая серия. Литературоведение: К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Tartu University Press, 2008. С. 122–144.

Гузаиров 2013: Гузаиров Т. История – Полководец – Поэзия: политическая триада В. А. Жуковского (из комментария к статье «Русская и английская политика») // Жуковский.

Исследования и материалы. Сборник научных трудов. 2. Томск: Издательство Томского университета, 2013. С. 191–203.

Гузаиров 2014: *Гузаиров Т.* Мир и война, или парадокс имперского мышления: из комментариев к статье Жуковского «Письмо к графу Ш. О происшествии 1848 года» // *Имагология и компаративистика / Imagology and Comparative Studies.* 2014. № 1. С. 22–35.

Долгушин 2018: *Долгушин Д. В.* Россия и революция в историософских интерпретациях В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева // *Вестник Томского государственного университета.* (431). 2018. С. 29–37.

Долгушин 2019: *Долгушин Д. В.* «На кратере вулкана»: В. А. Жуковский и революция 1848 г. // *Studi Slavistici. Rivista dell'Associazione Italiana degli Slavisti.* XVI. 2019. № 1. Firenze University Press. P. 107–124.

Жуковский: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999–.

Жуковский 2009: *Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной 1813–1852.* М.: Знак, 2009.

Жуковский 1878: *Жуковский В. А.* Собрание сочинений: В 6 т. СПб., 1878.

Жуковский 1885: *Жуковский В. А.* Собрание сочинений: В 6 т. СПб., 1885.

Киселев, Владимирова 2018: *Киселев В. С., Владимирова Т. Л.* Жуковский, революция в Германии и институты имперской пропаганды (по материалам неопубликованной переписки с великим князем Александром Николаевичем) // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* № 52. 2018. С. 165–183.

Киселева 2007: *Киселева Л. Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 137–147.

Лобанов 1981: *Библиотека В. А. Жуковского (Описание) / Сост. В. В. Лобанов.* Томск: Издательство Томского университета, 1981.

Немзер 2001: *Немзер А. С.* Небесное и земное // *Жуковский В. А. Проза поэта.* М.: Вагриус, 2001. С. 5–11.

Никонова 2015: *Никонова Н. Е.* В. А. Жуковский и немецкий мир. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015.

Фомин 1913: *Фомин А.* Поэт и король или история одной дружбы. Переписка В. А. Жуковского с королем Прусским Фридрихом-Вильгельмом IV. СПб., 1913.

Янушкевич 1990: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский и Великая французская революция // *Великая Французская революция и русская литература.* Л.: Наука, 1990. С. 106–141.

Янушкевич 2006: *Янушкевич А. С.* Творчество Жуковского как художественная система // *Янушкевич А. С. В мире Жуковского.* М.: Наука, 2006.

Guizot 1849: *Guizot F.* De la Démocratie en France (Janvier 1849). Paris, 1849.